

КРИЗИС МАРКСИЗМА И ТРАНСФОРМАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА

Статис Кувелакис

«Чтобы ясно понять изменения, случившиеся с идеями, нужно принять во внимание изменения, которые претерпел сам капитализм».

Жорж Сорель (1908)¹

Среди причин того, почему марксизм представляет собой странный, даже способный привести в замешательство интеллектуальный феномен, не последнее место занимают периодически происходящие с ним «кризисы». Однако термин «кризис» используется слишком часто и поэтому требует предварительного обсуждения. Ниже выражение «кризис марксизма» будет пониматься исключительно в «субъективном» смысле – то есть противоположном тому, в котором рассуждают, например, об экономическом кризисе. Следовательно, о «кризисе марксизма» можно говорить только как об уникальном моменте, когда в истории идей происходит нечто необычное. (Слышал ли кто-нибудь о том, чтобы платоники заявляли о «кризисе платонизма» или кантианцы о «кризисе кантианства»?) Отсюда следует, что те, кто считают себя «марксистами», признают, что проживают своё отношение к этому теоретическому объекту в форме «кризиса». Другими словами, «кризис марксизма» – это такие обстоятельства, когда утверждение «Марксизм сейчас находится в кризисе» является прежде всего внутренним, когда это утверждение обозначает то, как «марксисты» описывают своё отношение к определяемому объекту.

Из этого автореферентного определения вытекает несколько следствий, которые не столь тавтологичны. Прежде всего, «кризис марксизма» – это определённо не то же самое, что «смерть марксизма», о которой периодически заявляют с внешней и, в общем и целом, открыто полемической точки зрения. Эта последняя относится к совсем другой логике, иначе говоря, к «призрачному» измерению присутствия марксизма в истории. Такие обряды экзорцизма свидетельствуют в основном о том, что, подобно мертвецу, боящемуся не найти покоя, марксизм никогда не перестаёт присутствовать в нашем настоящем (как ещё можно объяснить навязчивое повторение, стоящее за этим ритуалом приговаривания к смерти?). Они также говорят о том, что после каждой

¹ Sorel 1982, p. 237–238.

«смерти» марксизма в случае изменения обстоятельств неизменно следует его «возвращение»² – несомненно, сегодня мы и являемся свидетелями одного из таких возвращений.

В определённом смысле, марксизм избегает призрачного повторения смерти и воскрешения только посредством кризиса, и это придаёт ему несколько смущающее сходство с психоанализом и «естественными» науками (ср. с «кризисом в физике» в начале XX века, совпавшим, кстати говоря, с первым кризисом в марксизме)³. Является ли это только формальной аналогией? Может оказаться, что нет, поскольку – подобно естественным наукам и психоанализу – марксизм следует понимать как единство теории и практики, отмеченное радикальной историчностью, а не как доктрину, созданную *sub specie aeternitatis*. Иными словами, он осознаёт себя как результат определённого положения дел. В данной связи «кризис» – это такой момент, когда внутренние противоречия теоретико-практического комплекса, вызывая «полемику», свидетельствующую о столкновении противоречащих друг другу утверждений, проявляются во всей очевидности и ставят вопрос о коренной перестройке теоретико-практической конфигурации.

Сегодня – и здесь сходство с естественными науками заканчивается – было бы полным заблуждением полагать, что «кризис марксизма» – это просто переходный момент, разделяющий два более или менее стабильных состояния теории/практики, – неважно, будем ли мы понимать такой переход в духе смены парадигм, опирающихся на консенсус в научном сообществе («научная революция» Куна), или как пересечение внутреннего порога научности благодаря повторяющимся «эпистемиологическим разрывам» (французская традиция Башляра и Кагийема). И вот почему. Марксизм конститутивно, начиная с самого Маркса, с внутренними противоречиями, пределами и незаконченностью его *aevre*, есть кризисная теория. Это следствие ударной взрывной волны учреждающего события современной эпохи (Французская революция и её последствия) и одновременно реакция на него, волны, проявившейся в сфере теории и в культуре. Являясь отражением исходного кризиса буржуазного общества и формирующегося капитализма, указывая на полное соответствие данных процессов актуальности непрерывной революционизации [капитализма], марксизм несёт на себе печать этого кризиса – в виде неоднородности своей теоретико-практической конфигурации. Полностью принимая императив «научности» (без которого немислим никакой подлинный марксизм, даже яростно отрицающий «позитивизм»), он понимает научность совершенно оригинальным образом (в этом смысле с ним может сравниться только психоанализ, как проница-

² В продолжение этой темы см.: Kouvelakis 2000.

³ Ленин в начале раздела «Кризис современной физики» работы *Материализм и эмпириокритицизм* приводит цитату знаменитого французского физика Анри Пуанкаре: «Есть “признаки серьёзного кризиса” физики» (Ленин 1969, с. 247). Об этом см.: Lecourt 1973.

тельно заметил Альтюссер⁴), поскольку в конечном счёте он имеет дело с внутренне антагонистическим полем, с *борьбой тенденций* – борьбой, которая сосредоточена в себе самой, борьбой, ведущейся посредством механизма смещения демаркационных линий, с её способностью к переформулированию проблем, к новому пониманию историчности и плодотворности теории. Марксистский теоретико-практический комплекс может утвердить себя исключительно как носитель имманентного капиталистическому порядку «духа разрыва» (Сорель), поскольку он (ре)конституирует себя как «разделяющая наука»⁵, неотвратимо делящаяся на множество тенденций, которые управляются отношениями принимающей форму конфронтации взаимозависимости.

Кризис «конца века»?

Несмотря на абстрактный характер, данное короткое напоминание о конститутивном измерении кризиса марксизма является необходимым, чтобы поместить положение вещей, свойственное текущему кризису, в историческую перспективу. Это прежде всего касается двух кризисов, которые, будучи разделены периодом около 100 лет (конец XIX – начало XX века), определяют исторический цикл марксизма, цикл, чьё воздействие всё ещё сохраняется. В обоих случаях при сравнении текстов, в которых впервые зашла речь об этих кризисах (Масарика и Бернштейна о кризисе XIX века, Альтюссера – века XX), немедленно обращает на себя внимание повторение того, что кажется симптоматикой, свойственной процессам, названным кризисом марксизма. Мы видим те же вводные размышления о кризисе конкретных форм пролетарской политики (шизофрения германской социал-демократии, разрывающейся между фактически реформистской практикой и немощным революционным дискурсом; кризис рабочего движения, в долгосрочной перспективе пострадавшего от последствий воплощения революций XX века в форме государств). То же беспокойство при столкновении с незаконченностью и внутренне противоречивым характером *œuvre* Маркса, причём даже в краеугольном камне теории – *тагмат опус* – *Капитале*⁶. То же сомнение в актуальности

⁴ См.: Althusser 1991.

⁵ См.: Althusser 1991, а также дискуссию об этом понятии в: Balibar 1991, p. 80–89.

⁶ Ещё до выхода третьего тома *Капитала* Конрад Шмидт инициировал дебаты об обоснованности закона стоимости, которые возобновились после публикации этого тома; в частности, Энгельс, Зомбарт и Бем-Баверк высказались о совместимости первого и третьего томов. Говоря в целом, противники ортодоксии – за исключением Лабриолы, чья позиция, впрочем, была неоднозначной (см. Bidet 1988), – выступали за критическое отношение к трудовой теории стоимости (ср.: Bernstein 1961, p. 24 ff; Sorel 1982, p. 145–149; Labriola 1934, p. 25–29). Общий обзор см.: Besnier 1976. Столетие спустя, когда Альтюссер начал говорить о кризисе марксизма, он ссылаясь на «фиктивный» характер

революции, особенно в отношении её субъективных условий (исторической миссии, которой наделён пролетариат).⁷ И тот же протест против приоритета, приписываемого историческим материализмом экономике, а также против детерминистского и фаталистического видения социальной динамики.⁸ И то же провозглашение освежающего воздействия и креативного потенциала кризиса для самого марксизма.

Этот последний пункт следует подчеркнуть особо по причине того, что на нём настаивают авторы, которых вряд ли можно заподозрить в проявлении какого бы то ни было стремления к ортодоксальности. Так, в тот самый момент, когда Бернштейн объявляет себя «полностью осознающим свои расхождения по нескольким важным вопросам с идеями, которые можно найти в теории ... Маркса и Энгельса»⁹, он определяет свой подход как «ревизию в рамках марксизма»¹⁰ и даже как вклад в него как в «теорию современного общества»¹¹. Требуя не смешивать «ревизионизм» – понятие, с которым он отождествлялся, – с намерением «вытеснить Маркса»¹², он видел свою цель в возрождении «критического духа», вдохновителем которого был Кант¹³, и в разрыве со «схоластикой» и «ортодоксией»¹⁴, для чего нужно посредством соответствующего

единства порядка изложения в *Капитале* как на первый пример внутренних «противоречий» в трудах Маркса (Althusser 1979, p. 232–234).

⁷ Чётко выражая преваляровавшую во II Интернационале интерпретацию «политического завещания» Энгельса, Масарик утверждал, что в нём Энгельс провозгласил «нецелесообразность революции» и делал упор на «политической и парламентской тактике» (Masaryk 1898, p. 515). Бернштейн, который колебался между признанием революции утопией или прямо нежелательным событием, в любом случае открыто возражал против утверждения о пролетариате как о гомогенном и революционном по своей природе классе (Bernstein 1961, p. 6–12). В общем, «антиклассицистская», «антиэссенциалистская» энергия сегодняшнего постмарксизма (см., напр.: Laclau and Mouffe 1985) имеет свои прецеденты.

⁸ Это другой важный пункт расхождения между Бернштейном и Сорелем (ср.: Bernstein 1961, p. 103–106 и Sorel 1982, p. 106–109, 150–163). Важность этих вопросов для постмарксистского видения «плюрализма» и «дисперсии», конститутивных для социального, вряд ли нуждается в дополнительном упоминании (Laclau and Mouffe 1985, *passim*).

⁹ Bernstein 1961, p. 3.

¹⁰ «Что касается теории, то было бы более точно говорить о ревизии в рамках марксизма, чем об антимарксистской ревизии» (цит. по: Lidtke 1976, p. 349).

¹¹ Bernstein 1961, p. 4.

¹² Bernstein 1961, p. 213.

¹³ «Задача в том, чтобы вернуться не к букве кенигсбергского философа, но к основополагающим принципам его работы: критическому духу» (Bernstein 1961, p. 223–224). Знаменитая последняя глава его книги *Конецные цели и тенденции* имеет подзаголовок «Кант против Cant'а». Тем не менее Лидтке подчёркивает, что, хотя Бернштейн и был погружён в неокантианскую атмосферу эпохи, он никогда не сливался с ней полностью (Lidtke 1976, p. 375).

¹⁴ Bernstein 1961, p. 4.

обновления избавиться от «недоработок» и «остатков утопизма»¹⁵, отягощающих теорию, созданную Марксом.

Вслед за ним и Сорель, который тепло приветствовал критику Бернштейном ортодоксии Энгельса и Каутского и даже говорил о ней как об «обновлении марксизма» и «возвращении к марксистскому духу»¹⁶, считал «кризис» и «проблематизацию марксизма» «большим достижением»¹⁷, началом периода секуляризации доктрины¹⁸. К большому неудовольствию своего находившегося по другую сторону Альп друга и собеседника Лабриолы, он продолжал размахивать этими терминами.¹⁹ «Очистив от всего, что не является в точном смысле слова марксизмом»²⁰, эта «другая» секуляризирующая проблематизация позволит марксизму снова стать адекватным практике пролетарской самоорганизации, получившей конкретное воплощение в революционном синдикализме²¹. Даже Масарик, типичный позитивист с неопределёнными «прогрессивными» и социалистическими симпатиями, завершал статью, положившую начало публичным дебатам о «кризисе марксизма», выводом о начале возможного возрождения если не марксизма, то, по крайней мере, социализма, который «обречён» на возрождение именно по причине продолжения существования капитализма и его последствий.²²

¹⁵ Bernstein 1961, p. 25, 210.

¹⁶ Sorel 1982, p. 182.

¹⁷ «Текущий кризис научного социализма знаменует собой большой прогресс: он позволяет двигаться вперёд, освобождая мышление от оков» (Sorel 1982, p. 91).

¹⁸ Sorel 1982, p. 215.

¹⁹ «Сорель душой и телом прикипел к кризису марксизма, с пылом рас-суждая о нём, разъясняя и комментируя его при любой возможности» (Labriola 1934, p. 179). Лабриола, внимательный и глубокий критик ревизионизма Сореля, Масарика и Бернштейна, хотя никогда и не признавал обоснованности утверждений о «кризисе марксизма», тем не менее соглашался с необходимостью «непосредственного и тщательного пересмотра проблем исторической науки» (Labriola 1970, p. 293). Он был противником и ортодоксии и ревизионизма, доказывая, что «поскольку эта теория по самой своей сути является критической, она не может существовать, применяться и развиваться, если не будет прилагать свой критический метод к себе самой» (Labriola 1934, p. 29). Он называл эту теорию «критическим коммунизмом» (Labriola 1966, p. 244).

²⁰ Sorel 1982, p. 252.

²¹ «Действуя, рабочие формируют подлинную социальную науку, идут по пути, соответствующему основным, сущностным посылкам Маркса» (Sorel 1982, p. 90). Тридцатью годами позже, в гораздо более мрачные времена, Карл Корш пришёл к выводам, близким тем, которые Сорель рассматривал как результаты «кризиса марксизма» (Korsch 1973, p. 166–167).

²² По причине снижения уровня интеллектуальных дискуссий, произошедшего (особенно во Франции) вследствие двух десятилетий неистовой антимарксистской пропаганды, стоит процитировать окончание данной статьи, написанной немногим более ста лет тому назад: «Даже если бы марксизм полностью обанкротился, это не означало бы кра-

Когда в конце 1970-х Альтюссер объявил о том, что марксизм входит в полосу кризиса и что у такого перформативного утверждения есть освободительный аспект, он, как мы видим, не был первым на этом пути, вопреки тому, что сам, по-видимому, думал.²³ Эта амнезия, которая не должна удивлять у автора, никогда не придававшего особого значения чему-либо за пределами своего в высшей степени избирательного и галлоцентричного чтения Маркса, сопровождается, однако, упущением иного порядка. Альтюссер официально объявляет о кризисе марксизма фактически без единого упоминания о том, что является интеллектуальным Другим марксизма – о *капитализме*. Мы видим только беглое указание на парадокс различных путей, которыми идут компартии в условиях «беспрецедентного накала борьбы ... ведущейся рабочим классом и простыми людьми», вкупе с упоминанием «самого серьёзного кризиса из всех, которые знал империализм»²⁴. А затем следует переход к серьёзным материям: к «теоретическому кризису в рамках марксизма»²⁵. Предлагаемая реконструкция данного кризиса выглядит несколько странно, поскольку, «начавшись в 1930-х», кризис прошёл совершенно незамеченным автором книги *За Маркса*. Верный своим привычкам, Альтюссер хранит молчание о других диагнозах «кризиса марксизма», появившихся в тот период (Корша, заговорившего о нём не позднее 1931 года, и Анри Лефевра – в 1958-м)²⁶. Более того, после нескольких замечаний о последствиях сталинизма, столь же схематичных, сколь и банальных,

ха социализма. Он имеет реальные основания в очевидных дефектах сегодняшнего общественного устройства, в его несправедливости и аморальности, в величайшей материальной, интеллектуальной и моральной нищете масс. Так что противники социализма ошибаются, если думают, что данный кризис так уж сыграл им на руку. Напротив, он может придать новые силы социализму, если его лидеры без колебаний устремятся к истине. Я чувствую себя обязанным это сказать, после того как указал на факты» (Masaryk 1898, p. 528).

²³ И в своём выступлении на конференции в Венеции, и в неопубликованном при жизни тексте, где поднимается вопрос о кризисе марксизма (Althusser 1994a, p. 359–366), Альтюссер пишет, что данным понятием размахивают исключительно «враги рабочего движения» с целью «деморализовать» марксистов, провозгласив «крах» и «смерть» их теории (Althusser 1979, p. 225).

²⁴ Althusser 1979, p. 226.

²⁵ Althusser 1979, p. 228.

²⁶ Текст Корша относительно хорошо известен (см. Korsch 1931). Тем более следует отдать должное ясному уму Лефевра, который в монументальном труде марксистской литературы XX столетия – *La Somme et le reste* – представил новаторский анализ «кризиса философии» (Lefebvre 1989, p. 9–151), и в частности «кризиса марксизма», являющегося одним из аспектов «кризиса философии» (p. 220). Этот анализ сопровождался многолетним исследованием конкретных обстоятельств подъёма голлизма, паралича левых и ФКП, а также разнообразными теоретическими материалами, сделавшими необыкновенно продуктивными изыскания Лефевра в последующие десятилетия, – труд, противоположный саморазрушительному и бесплодному молчанию Альтюссера.

в тексте долго обсуждается «открытие», сделанное, по-видимому, Альтюссером в этот момент: существование *лакун* и даже *загадок* в трудах Маркса (порядок изложения в *Капитале*, проблемы государства и организаций рабочего класса). Альтюссер, однако, посвятил этим вопросам один-единственный незаконченный текст, опубликованный посмертно.²⁷ Но в любом случае во всех этих текстах капитализм остаётся проблемой, которая полностью и упорно обходится вниманием. А что касается упоминаний о *борьбе масс*, рассыпанных повсюду, они являются не более чем ритуальными формулами, но не анализом той или иной конкретной ситуации или практики (или, в лучшем случае, только наброском такого анализа).

Контраст с кризисом XIX века в этом отношении действительно поражает. Беглого взгляда на вводные тексты достаточно, чтобы обратить внимание, как ясно Бернштейн, Сорель или Люксембург понимают сверхдетерминированность кризиса марксизма экстратеоретическими факторами (несмотря на разные выводы, к которым они приходят). Иначе говоря, если речь заходит о кризисе политики, связанной с именем Маркса, то в центре обсуждения оказывается прежде всего рабочее движение, условия которого постоянно и в высшей степени систематично здесь прослеживаются. Другими словами, прослеживается связь с фундаментальной трансформацией капитализма в конце века, произошедшей под влиянием, с одной стороны, борьбы рабочего класса, а с другой – возобновления цикла накопления, а также расширения избирательных прав, перехода к «монополистической» стадии после кризиса 1890–1895, империалистической экспансии, изменения роли государства и т. д.

Такое понимание «абсолютного» характера кризиса как момента, когда противоречия теории и форм её субъективного существования накладываются на изменяющуюся реальность её объекта, не в последнюю очередь связано с экстраординарной *продуктивностью*, проявившейся в ходе «исходного кризиса» марксизма. Этот кризис продемонстрировал явственную способность к переформулированию и реорганизации вопросов, в связи с которыми теоретико-практический комплекс марксизма создавался, а именно: интерпретация «экономических» трансформаций системы (дебаты о «крахе капитализма» и новых типах накопления); вопросы стратегии (роль парламента и массовых забастовок, профсоюзов и кооперативов); теория организаций рабочего класса (отношения партии и класса, место профсоюзов); и, наконец, имперские реалии новой стадии капитализма (милитаризм, колониальная экспансия, национальный вопрос). Если верно замечание Жерара Бенсусана, что начало Первой мировой войны и последовавшая

²⁷ И заканчивающийся на вопросительной ноте, столь красноречиво отмечающей растерянность Альтюссера в этот период: «Потому что говорить о том, чем политика может быть, предполагает высказывать мнение о партии. Но что делают в партии, если не политику?» (Althusser 1994a, p. 512).

за этим катастрофа рабочего движения показали «объективные пределы» любой «оптимистической и продуктивной» интерпретации кризиса²⁸, представление о том, что именно в ходе текущего кризиса подготавливаются основания (*materials*), делающие возможным обращение катастрофы в революционное наступление²⁹, выглядит не менее оправданным.

Конец эры кризиса?

В свете сравнения не будет преувеличением перевернуть обычную схему восприятия современной истории. Не кризис конца XIX века обладал «вагнерианскими обертонами *fin-de-siècle*»³⁰, а кризис конца XX-го, который явился провозвестником сокрушительного поражения угнетённых и запустил «процесс дисэманипации»³¹ поистине эпохального масштаба. Если перформативность альтюссеровского текста доказала свою правомерность, то именно благодаря данному факту. Вовсе не будучи ограничен рамками «регионального кризиса романского марксизма» (как считали его первые оптимистические комментаторы), тесно связанный со спадом в массовых коммунистических партиях и неудачей еврокоммунизма³², разрыв в истории движения рабочего класса (о котором заговорили в европейском контексте 1977 года) явился знаком общего изменения ситуации. И в данном случае неважно, что в свете современной топографии марксизма данный процесс оказался неравномерным, выявив новые зоны влияния [марксизма], сосредоточившиеся в англофонном мире.³³

Дело ещё и в том, что, хотя Альтюссер первым заговорил о кризисе, он также затруднил его развёртывание и результативность вследствие узкого видения его глубинных причин, отсутствия исторического осмысления как на уровне марксистской теории, так и на уровне движения рабочего класса. Не в последнюю очередь это связано с «поверхностностью» как характерной чертой постмодернистского сознания, согласно Фредрику Джеймисону³⁴, и даже с настроением «пафоса» – тем самым феноменом, за который (по хорошо известному механизму «проективного смещения») Альтюссер критиковал *Тюремные тетради* Грамши и даже Ленина в том же самом тексте³⁵. Всё это, передавая собой картину заме-

²⁸ Bensussan 1985, p. 263.

²⁹ Хотя бы так, что постепенно расчищают путь для «левой критики» ортодоксии на основаниях, гораздо более ясных, чем основания Сореля или даже Лабриолы.

³⁰ Anderson 1983, p. 66.

³¹ Tosel 1996, p. 9–10.

³² Эту гипотезу Перри Андерсон выдвигает в книге Anderson 1983, p. 28–30, 68–81. См. ниже, в главе 4, обзор Алексом Каллиникасом её сильных и слабых сторон.

³³ Определённо, это наименее спорная часть диагноза Андерсона.

³⁴ Jameson 1991.

³⁵ Althusser 1979, p. 235.

шатательства непосредственно в ситуации поражения, приобрело особое значение в форме «подлинного *debandade*³⁶»³⁷ с его чередой покаяний, актов отчаяния, ничем не сдерживаемых нигилистических страстей, в которых выразилось отступление марксизма в романском мире, особенно во Франции. Но верно и то, что – как показывает переписка данного периода – Альтюссер признавал пределы своих возможностей и, с другой стороны, те требования, которые кризис уже поставил в повестку дня. Говоря о времени, когда необходимо обладать «конкретными знаниями, чтобы говорить о таких вещах, как государство, организации, “социалистические страны”», он признавался:

«Я не обладаю этими знаниями, и было бы необходимо, подобно Марксу в 1852 году, “начать с самого начала”. Но – слишком поздно, учитывая мой возраст, усталость, упадок сил, а кроме того, одиночество»³⁸.

Чтобы осознать дистанцию, отделяющую нас сегодня от той ситуации, возможно, следует задаться вопросом: где мы находимся в отношении к этому одиночеству? Звучит ли его эхо в тишине и пустоте? Или оно открыто в другое одиночество – которое Альтюссер тоже имел в виду³⁹, – плодотворное, освобождающее одиночество, сходное с одиночеством, например, Макиавелли? Не претендуя на окончательный ответ, мои размышления, по крайней мере, стремятся придать некоторую последовательность альтернативной формулировке вопроса. В сущности, кризис марксизма уже позади, что ни в коей мере не означает, что марксисты могут облегчённо вздохнуть. В высшей степени «открытое» время, в котором мы живём, не исключает возможность новых поражений, чреватых полным распадом, но оно готовит по крайней мере некоторые из условий, необходимых для новой встречи марксизма и практики масс и, кроме того, для всеобъемлющей радикальной теоретической реконструкции.

Подобно дате инаугурационного акта (Венеция, 1977), можно назвать точно и дату окончания последнего кризиса марксизма. Начался он двенадцатью годами позже, почти день в день, в Берлине, и закончился в 1991 году в Москве, с крахом СССР. С середины 1970-х осуществлялся финальный акт капиталистической перестройки под знаком неолиберализма. Конец государств, отождествлявшихся с марксизмом и социализмом, положил конец и условиям кризиса марксизма, причём в двух отношениях, которые удобно обозначить как *субъективные* и *объективные*.

В субъективном аспекте конец государств, возникших после революций XX века, нанёс *coup de grace* организациям рабочего класса и массовым движениям, связанным с ними (даже тем массовым

³⁶ «Панического отступления» (фр.) – *Прим. перев.*

³⁷ Anderson 1983, p. 32.

³⁸ Althusser 1994b, p. 528.

³⁹ См.: Althusser 1999.

движениям, которые были критически или открыто оппозиционно настроены к движению рабочего класса). Вместе со сталинизмом и его наследниками заодно исчезли и разные «антисталинизмы». На самом деле, ударная волна 1989–1991 годов затронула всё движение рабочего класса в целом, включая социал-демократию, вкупе с большими частями коммунистических партий, reagировавших на устранение «коммунистического препятствия» путем отказа от того, что составляло основу их идентичности, и объединявшихся вокруг руководства новой формации, преимущественно в его империалистическом измерении. Продолжение существования коммунистических партий или партий, возникших непосредственно на их основе, заметное прежде всего в странах «периферии», не должно вводить в заблуждение. «Международное коммунистическое движение» ныне бесповоротно принадлежит прошлому, и само это продолжающееся существование, даже если оно имеет форму самой явной ностальгии, объясняется не столько остатками прошлого, сколько в гораздо большей степени результатом новых социополитических реалий (или реакцией на них), реалий, возникших в ходе трансформации капитализма в мировом масштабе.

В таких условиях вряд ли стоит удивляться исчезновению любой «ортодоксии», а также сопутствующей ей какой-либо «ереси», «гетеродоксии», учитывая, что данные понятия очевидно предполагают друг друга. В этом состоит определяющее отличие от предыдущих кризисов марксизма, когда на повестке дня прежде всего стояло одновременное переопределение понятий «ортодоксия» и «ревизионизм». Оба они опирались на общие реалии марксизма, который был идеологической и доктринальной отправной точкой для массовых организаций и государственных структур. Такое положение – вовсе не повод для радости, поскольку представляется, что оно свидетельствует о разрыве любых связей между марксизмом и организованными формами коллективной практики, без того чтобы их будущее казалось как-либо обеспеченным в существующих публичных институтах, особенно в системе высшего образования.⁴⁰ Однако – и это обратная сторона всякого вакуума – такая ситуация оставляет нерешённым вопрос о встрече «реконструированного» марксизма и новых форм освободительной борьбы, которые в рамках неолиберального капитализма существуют совершенно очевидно.

С этим одновременным коллапсом ортодоксии и ересей связана и ещё одна поразительная черта текущего выхода из кризиса: отсутствие осмысленных дискуссий в пространстве, продолжа-

⁴⁰ В частности, такова точка зрения Этьена Балибара, который, отбросив свои обычные противоречивые и двусмысленные формулировки, категорически заявляет: «Столетний цикл, о котором я говорю (1890–1990), отмечает конец *любой* взаимосвязи между философией Маркса и *любыми* организациями, и следовательно, в ещё большей мере, между этой философией и государством» (Balibar 1995, p. 118, курсив добавлен).

ющем осознавать себя в координатах марксизма (за одним исключением, о котором речь пойдёт ниже). Всё выглядит так, как если бы «тысяча марксизмов», о которой уважительно говорит Андре Тосель⁴¹, сосуществовали в мирном соположении, в котором необходимость порождать противоречия кажется странным образом отсутствующей. Поскольку марксизм есть «разделяющая наука» и кризис в полной мере подтвердил такой его статус, это ясно свидетельствует об изменении огромной значимости с неоднозначными и противоречивыми последствиями. Среди них, конечно, первое – это ослабление, потому что именно в борьбе между различными направлениями марксизм обретает сами свои принципы, стройность теории, единственный источник легитимации. Это объясняет, кроме того, почему умиротворение теоретического поля, о котором идёт речь, строго соответствует его предельной фрагментации. С другой стороны, если согласиться с гипотезой о конце исторического цикла, то исчерпал себя тип конфликтности предшествующего периода, и именно по причине его конститутивной функции. Тогда мы можем оказаться свидетелями своего рода конца «кризисной формы» марксизма, неотделимого от конца конкретной «партийной формы».

В таком случае, формирующийся сегодня тренд можно рассматривать как медленное восстановление с нуля теоретической проблематики не просто в условиях поражения – *вся* история марксизма, начиная с самого Маркса, проходила под знаком поражения,⁴² – но через изменение самого статуса марксизма как теоретико-практического комплекса. Ситуация сегодня – эта ситуация предельного разрыва между группами активистов, прагматически приспособляющихся к фрагментированной практике, и теорией, окопавшейся на некоторых академических островках, где она стремится убедить людей в том, что социальные трансформации означают не что иное, как, например, хабермасовские коммуникативные действия или роульзовские принципы справедливости.

Кризис нового столетия

Более существенно, однако, то, что гипотеза конца исторического цикла «объективно» поддерживается трансформацией капитализма, которая, конечно, началась раньше 1989–1991 годов, но события тех лет придали ей необратимость. Подлинная сила ревизионизма Бернштейна, этого архетипа всех «постмарксизмов» в следующие 100 лет, состоит не столько в чисто теоретической убедительности его аргументов, сколько в чуткости к неизбежности изменений политики организаций рабочего класса, изменений, вызванных «пассивной революцией» капитализма, переживавшего

⁴¹ См. об этом ниже (глава 3).

⁴² А не только история «западного марксизма» ввиду разрушающего воздействия буржуазной культуры (в чём его и обвиняли), как пишет Андерсон (Андерсон, 1991).

империалистический период, прежде всего в двойном проявлении этой политики – в разившейся способности к социополитическому компромиссу в «странах центра» и в усилении колониального насилия, поддержанного военной экспансией, за пределами этого «центра», на периферии. Бернштейн тем самым решил отвести два важнейших принципа теории и практики рабочего класса в XIX веке. Первым был *экономический катастрофизм*, который оправдывал квиетизм ортодоксии. Казалось, экономический рост, последовавший за кризисом 1890–1895, должен был окончательно его опровергнуть.⁴³ Вторым – *бланкизм*, кодовое имя для традиций бунта рабочего класса, которые по-прежнему были глубоко укоренены благодаря памяти о Коммуне, революциях 1848 года и, возможно, в наибольшей степени⁴⁴, благодаря памяти о Великой революции и 1793-м годе. Бернштейн опирался исключительно на факторы, вытекавшие из нового равновесия системы, к которому привели её расширенное воспроизводство и ряд завоеваний трудящихся. Среди этих факторов – рост демократизации (который он полагал необратимым), вызванный расширением избирательного права в некоторых европейских странах и отменой законов против социалистов в Германии; сила быстро увеличившегося числа кооперативов и профсоюзов; рост среднего класса; увеличение сложности социальной структуры (особенно растущая неоднородность пролетариата); и, наконец, самый прозаический, но критически важный элемент умиротворения, на который делали ставку власть предержащие, – поддержка движением рабочего класса политики колониальной экспансии и защиты национальных интересов.⁴⁵

Нет необходимости указывать на то, насколько – в отличие от этой открыто наступательной и способной к развитию позиции [Бернштейна] – слабым кажется ответ ортодоксии, прозвучавший –

⁴³ В этом смысле формулировка Густафсона, без сомнения односторонняя, тем не менее содержит важную истину: «Ревизионистская тенденция 1890-х в конечном счёте являлась следствием циклического экономического бума, случившегося в начале того десятилетия» (Gustafsson 1976, p. 275–6).

⁴⁴ Как подчёркивал Эрик Хобсбаум, в XIX столетии «якобинство» в глазах революционного рабочего движения представлялось ключом к разрешению проблем, порождённых поражениями 1848–1850 годов (Hobsbawm 1990, p. 40–41). В противоположность этому, несмотря на диаметрально разные установки, Сорель разделял с Бернштейном стремление покончить с остатками якобинской традиции, и это объясняет ту серьёзную поддержку, которую Сорель оказывал Бернштейну, несмотря на умеренность последнего и, что ещё более важно, его восхваления либерализма – худший грех с точки зрения теоретика революционного синдикализма. Вряд ли нас должно удивлять то, что мы снова находим старые перепевки отторжения «якобинского» понимания революции в постмарксизме 1980-х (см. Laclau and Mouffe 1985, p. 177–178).

⁴⁵ Важно отметить, что Бернштейн завершает свой панегирик колониализации и немецкому экспансионизму утверждением, что «более высокая цивилизация в конечном счёте может потребовать больших прав» (Bernstein 1961, p. 178–179).

под знаком «Маркса ... против Маркса»⁴⁶ – со стороны душеприказчика Энгельса, человека, обладавшего величайшей независимостью ума и безусловной интеллектуальной честностью, – Каутского, но, на первых порах, и Люксембург⁴⁷ (с важным отличием позиции – решительно важным, конечно, – по вопросу о милитаризме и колониализме). Более того, восприятие первого кризиса марксизма в романском мире (Сорель, Лабриола) веско подтверждает это.

В данной связи постмарксизм, созданный в ходе последнего кризиса марксизма и нашедший свою библию в работе Шанталь Муфф и Эрнесто Лаклау⁴⁸, есть «бернштейнианство для бедных»; другими словами, это ревизионизм, который не осознаёт себя, а также заблуждается по поводу и своей новизны, и своего объекта. Результаты дискуссии, которую он инициировал (единственное исключение из тенденции к умиротворению марксистского поля⁴⁹), оказались достаточно скудными как с точки зрения теоретической продуктивности, так и в отношении связи теории и практики. По одну сторону, уточнение языка, связанного с *гегемонией, множественностью субъективных позиций и радикальной, плюралистической демократией*, не может скрыть всё более явный призыв к либеральному здравому смыслу и фрагментации социальных практик, безжалостно проверяемых на прочность наступлением капитализма. По другую сторону, установка на подтверждение преданности основам теории, хотя часто и правомерная и иногда сопровождавшаяся ностальгией по возвращению к некоему мифическому «классическому марксизму», доказала свою неадекватность, столкнувшись с реалиями новой «пассивной революции» капитализма⁵⁰; она также оторвана от коллективной практики как установка, защищаемая неоревизионистами. Так что последний по времени эпизод в цикле кризисов марксизма закончился скорее разочаровавшими итогами.

Тем временем капиталистическая реконструкция шла своим чередом. Крах социалистических государств открыл огромные пространства для её экспансии вовне. Отказ от социального компромисса кейнсианского периода обеспечил не менее значительные внутренние зоны для её проникновения. Рабочий класс во всём

⁴⁶ Bernstein 1961, p. 27.

⁴⁷ Не следует забывать, что книга *Реформа или революция* (Luxemburg 1970, p. 33–90) основана по большей части на аргументах Каутского, к которому Люксембург была очень близка в то время, в том числе и лично. Только в связи с дискуссией о массовой забастовке, разгоревшейся после бельгийских событий 1902–1903, и ещё позднее, после русской революции 1905 года, левое крыло партии (Люксембург, Меринг, Либкнехт) постепенно отошло от каутскианского центра.

⁴⁸ См.: Laclau and Mouffe 1985.

⁴⁹ См., в частности, Callinicos 1989, Geras 1990, Wood 1998 [1986]. Важно отметить, что и неоревизионисты, и их оппоненты представляют исключительно англофонный мир, и это ещё один знак смещения главных зон марксизма за пределы Южной Европы.

⁵⁰ Интерпретацию трансформации капитализма через призму этого грамшианского термина см. в: Kouvelakis 1996.

мире переживает опыт травматической репролетаризации. Национальные государства стремятся перестроить свои формы вмешательства так, чтобы наилучшим способом удовлетворять новым требованиям накопления [капитала], а в это время устанавливается новый империалистический порядок, не имеющий более противовеса в виде обществ другого типа. При столкновении с этой реальностью, внятно подтвердившей диалектику континуальности и дисконтинуальности, которая характерна для капитализма, возникает вопрос: означает ли это, что начинает подтверждаться тезис Фредрика Джеймисона, согласно которому «капитализм эпохи постмодернизма неизбежно вызовет к жизни в противовес себе марксизм эпохи постмодернизма»⁵¹?

Многие факты наводят на мысль, что это действительно так. Безымянная в момент своего триумфа, упорно прятавшаяся под маской понятия «рыночная экономика», система всё чаще называется своим подлинным именем. Немногие сегодня подвергают сомнению правомерность применения понятия «капитализм» к реальности, распространяющейся на всю планету, и к кричащим противоречиям, которые она несёт в себе. Неслучайно, что именно в этих условиях марксизм движется в сторону «когнитивного картографирования», к которому призывал Джеймисон, когда формулировал свою гипотезу о постмодернизме как культурной логике позднего капитализма.⁵² Будь то недавние работы о текущем кризисе капитализма, изучаемого в исторической среднесрочной *durée*⁵³, как в исследованиях Роберта Бреннера, Жерара Дюмениля и Доминик Леви; или «историко-географический материализм» Дэвида Харви; или предложенная Бенедиктом Андерсоном интерпретация феномена национального; или изучение постмодернизма как «культурной логики позднего капитализма», начатое Джеймисоном⁵⁴, – марксизм, безусловно, продемонстрировал способность мыслить настоящее, которое – хотя и не гарантирует будущего – даёт наилучшее опровержение предсказаниям краха и смерти. И ещё кое-что: обозначение системы её [подлинным] именем является на самом деле и условием и знаком, указывающими, что – субъективно говоря – нечто другое стало возможным. Требуя, конечно, необходимой работы самокритики, поражение тем не менее начинает преодолеваться. Возобновление социальной борьбы во всём мире, ставшее очевидным с середины 1990-х (от Кореи до Чьяпаса), в том числе декабрьское движение 1995 года во Франции, левый поворот в Латинской Америке, разворачивание антиглобалистской мобилизации после событий в Сиэтле, неопровержимо свидетельствует о том, что новый капиталистический порядок, созданный при неолиберальной гегемонии, начал переживать необратимый кризис. Нет сомнений, что будущее марксизма, который

⁵¹ Jameson 1993, p. 195.

⁵² Jameson 1991, pp. 399–418.

⁵³ Длительности (фр.) – Прим. перев.

⁵⁴ Список трудов этих авторов см. в Библиографии в конце данной книги.

всегда платил дорогую цену за свой статус кризисной теории *par excellence*, будет определяться здесь, в терпеливом воссоздании предпосылок коллективной борьбы за освобождение.

Библиография

- Ленин В. (1969 [1909]) *Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии*, Москва.
- Андерсон П. (1991 [1976]) *Размышления о западном марксизме*, Москва [Электронный ресурс] Точка доступа: http://scepsis.ru/library/id_1818.html.
- Althusser, Louis (1979 [1977]) 'The Crisis of Marxism', transl. G. Lock, *Il Manifesto, Power and Opposition in Post-Revolutionary Societies*, London: Ink Links.
- Althusser, Louis (1991 [1977]) 'On Marx and Freud', transl. W. Montag, *Rethinking Marxism*, 4, 1: 17–30.
- Althusser, Louis (1994a) *Écrits philosophiques et politiques*. T. I, Paris: Stock/IMEC.
- Althusser, Louis (1994b) 'Marx dans ses limites', in Althusser 1994a.
- Althusser, Louis (1999a [1995]) *Machiavelli and Us*, transl. G. Elliott, London: Verso.
- Althusser, Louis (1999b [1988]) 'Machiavelli's Solitude', in Althusser 1999a.
- Anderson, Perry (1983) *In the Tracks of Historical Materialism*, London: Verso.
- Balibar, Etienne (1991) *Écrits pour Althusser*, Paris: La Découverte.
- Balibar, Etienne (1995 [1993]) *The Philosophy of Marx*, transl. C. Turner, London: Verso.
- Bensussan, Gerard (1985) 'Crises du marxisme', in Labica & Bensussan (eds.) 1985.
- Bernstein, Eduard (1961 [1899]) *Evolutionary Socialism*, transl. E. Harvey, New York: Schocken Books.
- Besnier, Bertrand (1976) 'Conrad Schmidt et les debuts de la litterature economique marxiste', *Histoire du marxisme contemporain 1976*.
- Bidet, Jacques (1988) 'Sur l'epistemologie du jeune Croce. A propos du debat Labriola / Croce sur la valeur, 1896–1899', *Labriola d'un siècle à l'autre*, ed. by Georges Labica and Jacques Texier, Paris: Meridiens-Klincksieck.
- Callinicos, Alex (1989) *Against Postmodernism*, Cambridge: Polity.
- Geras, Norman (1990) *Discourses of Extremity: Radical Ethics and Post-Marxist Extravagances*, London: Verso.
- Gustafsson, Bo (1976) 'Capitalisme et socialisme dans la pensee de Bernstein', *Histoire du marxisme contemporain 1976*.
- Hobsbawm, E.J. (1990) *Echoes of the Marseillaise: Two Centuries Look Back on the French Revolution*, London: Verso.
- Jameson, Fredric (1991) *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*, London: Verso.
- Jameson, Fredric (1993) 'Actually Existing Marxism', *Polygraph*, 6–7: 170–195.
- Korsch, Karl (1973 [1931]) 'Crise du marxisme', *L'Anti-Kautsky, ou la conception matérialiste de l'histoire*, Paris: Champ Libre.
- Kouvelakis, Eustache (1996) 'Le postfordisme, une lecture à partir de Gramsci et Foucault', *L'ordre capitaliste*, Paris: Presses Universitaires de France.
- Kouvelakis, Eustache (2000) 'D'un congres à l'autre: Marx fin de siècle', *Marx 2000*, Paris: Presses Universitaires de France.
- Labriola, Antonio (1934 [1899]) *Socialism and Philosophy*, transl. E. Untermann, Chicago: Charles H. Kerr.
- Labriola, Antonio (1966 [1896]) *Essays on the Materialistic Conception of History*, transl. Ch. Kerr, New York: Monthly Review Press.

- Labriola, Antonio (1970 [1902]) *Essais sur la conception matérialiste de l'histoire*, Paris: Gordon & Breach.
- Laclau, Ernesto, Mouffe Chantal (1985) *Hegemony and Socialist Strategy*, London: Verso.
- Lecourt, Dominique (1973) *Une crise et son enjeu. Essai sur la position de Lénine en philosophie*, Paris: Maspero.
- Lefebvre, Henri (1989 [1959]) *La Somme et le reste*, Paris: Meridiens-Klincksieck.
- Lidtke, V.L. (1976) 'Bernstein et les premises theoriques du socialisme', *Histoire du marxisme contemporain* 1976.
- Luxemburg, Rosa (1970 [1899]) 'Reform or Revolution', *Rosa Luxemburg Speaks*, ed. M.-A. Waters, New York: Pathfinder Press.
- Masaryk, T.G. (1898) 'La crise scientifique et philosophique du marxisme contemporain', *Revue Internationale de Sociologie*, 6.
- Sorel, Georges (1982) *La Décomposition du marxisme*, Paris: Presses Universitaires de France.
- Tosel, Andre (1996) *Études sur Marx (et Engels). Vers un communisme de la finitude*, Paris: Kime.
- Wood, E.M. (1998 [1986]) *The Retreat from Class: A New 'True' Socialism*, London: Verso.

Перевод с английского Владислава Софронова

Перевод выполнен по изданию:

Kouvelakis S. The Crises of Marxism and the Transformation of Capitalism // Jacques Bidet and Stathis Kouvelakis (eds.) *Critical Companion to Contemporary Marxism*. Leiden – Boston, 2008 (Historical Materialism Book Series, Vol. 16). P. 23–38.